

ЖЕНСКИЕ ИСТОРИИ

Людмила БЕЛЯКОВА

СВАДЬБА –
НАВСЕГДА!

Людмила Белякова
Свадьба – навсегда! (сборник)

«Центрполиграф»

2010

Белякова Л. И.

Свадьба – навсегда! (сборник) / Л. И. Белякова —
«Центрполиграф», 2010

Сказки заканчиваются свадьбой, а дальше начинается жизнь, и у всех она очень разная... Шустрая Маринка быстро сообразила, что ее умный и красивый муж Дима не добытчик, и изобрела новую формулу безболезненного «отъема у населения средств» для жизни в кайф («Затянувшаяся свадьба»). Никто не сможет остановить современную девушку на пути к сердцу или, скорее, к кошельку любимого, – смекалки и выдержки у нее не занимать... («Свадьба с неприятностями») Искрятся подлинным народным юмором рассказы «Кардинальное средство» и «Дельный совет».

© Белякова Л. И., 2010

© Центрполиграф, 2010

Содержание

Затянувшаяся свадьба	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Людмила Игоревна Белякова

Свадьба – навсегда

(сборник)

Затянувшаяся свадьба

С чем в день бракосочетания повезло Диме с Маринкой, так это с погодой. Природа словно устыдилась за кое-как проведенное, несуразное лето и отдала долги запоздалым, ровным августовским теплом, желтым, как золотой рубль, солнцем и блаженным безветрием. Поэтому гуляли свадьбу на вольном воздухе, на даче у Маринкиных родителей, в некоем облегченном, фуршетно-шашлычном варианте. Даже Димкина мамаша, чуть ли не утром свадебного дня заламывавшая руки и все твердившая, что сына ее «купили, купили эти новые русские!», приняла на грудь деревенской наливочки, с непривычки разомлела и успокоилась. А может, просто смирилась. Но если подумать, граждане, куда б ее красавчик-разумница сынок привел жену, если б не Маринкины родичи? Ну куда, вы мне скажите? В общежитие при вузе, где мамаша с сыном жили в одной комнате с туалетом и душем в разных концах длиннющего, как тоннель под Ла-Маншем, коридора?! Даром что мать профессорша, а сынок аспирант. А жизнь-то у них?

Ну, понятно, подарок Маринка была еще тот, фирменный, и профессорша это, разумеется, быстро распознала. Сладить с Маринкой, пошедшей в какую-то неизвестную, побочную, цыганскую родню, было еще во младенчестве затруднительно, а теперь-то!.. Когда этой кучерявой оторве уже двадцать, она без прав гоняет на мотоцикле, рокеров – претендентов на ее внимание не сосчитать, даже разувшись – и-и!.. Даже в колледж на коммерческое отделение пристроить ее было сложновато. Нет, не то чтобы глупа, это ни в коем разе, напротив, схватывала все на лету, как собака карамельку – цоп, ам и нет! Просто сидеть на лекциях не хотела – куда-то ее все несло, к вольной жизни, к противоположному по лу, дискухам до утра и прочему... Ну, вот отец и выдвинул доченьке ультиматум – или выходи замуж за кого-нибудь из этих, твоих, или вон со двора! Не только карманных денег лишу, но и изо всех бумаг выкину – все Викушке оставлю, она хоть приличная. И машину, и мотоцикл на прикол с сегодняшнего дня! Четко!

Маринка молча выслушала грозный отцовский отлуп, зыркнула в сторону нервно теребившей носовой платок матери и старшей сестры, внимательно разглядывавшей ковер, подумала секунду и сладенько проговорила – хорошо, папа, как скажешь.

– Что – хорошо?! – не понял отец, не ожидавший такой легкой победы.

– Все хорошо, – снова чуть улыбнулась Маринка. – Я и замуж выйду, и денег твоих мне не надо.

– Что – никак за богатого собираешься? – недоверчиво скривился папа, знавший контингент дочкиных обожателей и вообще брачно-экономический расклад в их небольшом городке.

– Зачем за богатого? – слегка пожалла Маринка плечами. – Я за красивого выйду. И по любви. А деньги... Наживем. Не проблема.

Тут уж напряглась мама – будто струна на цыганской гитаре, а сестра Викуша подняла взор к потолку, соображая, насколько может увеличиться ее потенциальная доля от возможного наследства вообще и текущее содержание в частности.

– И когда ж ожидать этого радостного события, доченька любимая? – осведомился возможно ехиднее папа.

– Ну-у, – повела Маринка своими черными, как вишни, глаза, – завтра я с ним познакомлюсь, пару недель на всю эту шелупонь типа цветы-конфеты... А то как-то сразу, жениться по-настоящему... Это несерьезно.

Маринка загнула пару пальчиков, шевеля пухлыми губками и что-то усиленно соображая.

– Потом заявление подадим, месяц на подготовку... А потом уж ты, папа, сам думай. Свадьба уж точно за тобой – сам ведь напросился. Нет?

– Акх, – поперхнулся папа. – Ну да... Понятно.

– Вот и договорились, – сказала Маринка, встала, отцепила от связки ключ от красной «мазды», хлопнула его на столик у двери и вышла, нахально поводя круглой попой.

Мало кто был осведомлен, что у Маринки на копчике вытатуировано «Осторожно! Занос – 1 м!».

Много позже родные узнали, что Диму невеста подхватила, как обещала, на следующий день, по дороге из колледжа, куда наведальась по случаю близкого окончания учебного года – надо было срочно ампутировать «хвосты» по бухучету и экономике.

Дима неторопливо шел по своим ученым делам, когда Маринка лихо притормозила рядом, откинула шторку шлема и спросила чуть надменно:

– Тебя подвезти, блондинчик?

Дима остановился, рассеянно оглядел Маринку, сидевшую на серебристом скутере, и ответил:

– Нет, спасибо.

– Да садись! Чего ты? Не нравлюсь, что ли? – искренне удивилась Маринка, слегка приотпнув ногой, обтянутой черной лаковой кожей.

– Нравишься, – сказал Дима, оценив длину ноги, румянец на смугловатых щеках, нервно глотнул и сел позади Маринки.

Потом он говорил, что почему-то забыл спросить, куда они, собственно, направляются, – это его и сгубило.

Повозив профессорского сынка на скромные, без спиртного, пикнички и тихие уединенные прогулки по окрестностям, набухавшим негой раннего лета, Маринка, согласно своему бизнес-плану, предложила ошалевшему от такого напора Диме сначала сходить к ее родителям познакомиться и – чисто из вежливости – испросить родительского благословения.

Папа, все еще недоумевавший по поводу развития событий, крепко пожал Диме руку:

– На кого учимся, молодой человек?

– На банкира, – скромно ответил Дима, слегка сблбднув с лица от рукопожатия бывшего шофера, а ныне хозяина таксомоторного предприятия.

– А, это хорошо! – бодро отозвался папа. – Банкиры стране нужны! И что ждет в будущем нашу банковскую систему?

– Процветание, – сообщил Дима, потупившись.

– Но не дождется, – буркнула Викуля тихонько – так, что ее услышала только Маринка.

Так, слово за слово, сговорились познакомиться с будущей сватьей-профессоршей и назначили дату, когда подавать заявление в ЗАГС. Вот так, значит, и двинулось дело к Маринкино-Диминой свадьбице. Все чин по чину.

На кафедре у Димы спрашивали: чего это он так скоропалительно женится? Уж не... А?

– Нет, ну что вы, – отвечал он с достоинством. – Просто предложили горящую невесту.

Если откровенно, то мнением Диминой мамы о происходящем никто не интересовался, и она, узнав, что сын, даже не окончив аспирантуры, вдруг засобирился под венец, раз-

рыдалась благородными грудными звуками и забегала – четыре шага туда, четыре обратно – по их с сыном комнатке в институтской общаге.

Дима, увертываясь от мамы, терпеливо ждал окончания грозы.

– Но ты хоть ее любишь? Ответь мне, Дмитрий! – остановилась наконец мама. – Скажи откровенно!

– Конечно, – улыбнулся Дима, и на его нежно-розовых щечках образовались две прелестные ямочки. – Марина – она такая!.. Веселая, задорная! Мне никогда так хорошо не было, как с ней. Правда!

– На веселье семейную жизнь не построишь, пойми, Дмитрий! – воскликнула мама, жестоко, по-гестаповски, с хрустом, выкручивая собственные пальцы.

– А на скуке ее не сохранишь, мама, – снова сделал финт ямочками Дима.

Мама обиделась, присела на краешек старого дивана, на котором четверть века назад, отчаянно стыдясь характерного скрипа пружин, зачала своего единственного ребенка, и принялась тихонько всхлипывать. Вольно или невольно Дима чувствительно клюнул маму в темечко – его папа ушел, давно уже, к хорошенькой студенточке-хохотушке, да так и забыл о них обоих навсегда.

– Ну хорошо, – сказала, навсхлипавшись, профессорша, – и когда же это все будет? Где вы будете, так сказать, семейно жить?

– А нам Маринкин отец их деревенский коттеджик отдает, – с облегчением выдохнул Дима. – И свадьба там же будет. Там хорошо! Тихо, свободно.

Разговор был на данном этапе исчерпан. Профессорша несколько дней всхлипывала, всплакивала, приговаривала, что сына у нее «купили». В один прекрасный момент Дима собрался с духом и, заикаясь с непривычки, цыкнул на мать:

– Я не вещь, чтоб меня покупали, мама! И у нас с Маринкой любовь. Любовь!

Мама удивилась появившейся прыти, но высказываться о том, что сынок набрался дурного тона у нуворишей, не стала – как-то неинтеллигентно. Опять же – любовь... Вдруг правда любовь?

Любовь!

А Маринку не узнавали родные и подруги. Она оперативно сменила номер мобильного, отшив таким образом всех своих хахалей, рокеров и байкеров, и сама носилась колбасой, почти в одиночку готовя свадьбу. Папа только оплачивал расходы, задним числом кляня себя за дурацкий ультиматум, который поставил дочке. Гулянка Маринкина, по правде говоря, обходилась семье гораздо дешевле. Утешало Маринкиных родителей только то, что свадьба и гулянка несопоставимы по продолжительности и общественно-нравственному звучанию.

Не все Маринкины придумки встречали однозначную поддержку родных – она, к примеру, возжелала идти регистрироваться в красном платье и алой фате. Вычитала где-то мудреное словечко «фламеум» и решила повывдываться перед умницей женихом и, главное, будущей свекровью. К счастью, сразу такого наряда в окрестностях не сыскалось, шить такое на заказ уже подпирало время, поэтому эти «алые паруса» благополучно отменились. Потом, правда, на беду папиному кошельку, Маринка прочла в Интернете, что самая длинная фата в мире была у какой-то там индийской принцессы и составляла свыше четырехсот метров в длину. И рассказала об этом папе...

– Я, доню, от своих слов не отказываюсь, – сказал тот, трусливо пряча глаза. – Хочешь – будет, хоть полкилометра. Но я, как специалист, тебе говорю – город у нас не такой большой, и по прямой в нем твоя фата никак не поместится. А скатывать-раскатывать на каждом повороте – это как-то не по-людски. Зачем она тогда вообще такая?

– Ну-у, – пожала плечами Маринка. – Хочется.

– Эк! – крякнул папа в заключение. – Ну вот полтинник с гаком на этом долбаном свете прожил, а не знал, что девки тоже длиной меряются!

Словом, получилось так, как получилось.

В ЗАГСе Мендельсона им играл струнный квартет, замочки «на вечную любовь» Маринка с Димкой ездили вешать на Оку, далеко от дома. Ближний мостик через едва живую речонку Синичку пользовался дурной славой. Поговаривали в народе, что процент разводов среди отметившихся там пар был заметно выше. Поэтому и мостик хоть и был стационарным, но в народе звался «разводным»... Но это так, как говаривал Маринкин папа, «заметим в промежности». А в общем было весело, суматошно, со множеством двоюродных и троюродных гостей – благо двор у коттеджа был немаленький, и в стояк там бы полгорода поместиться могло.

Ко второй половине дня свадьба, как скисшее по жаре молоко, расслоилась на взрослую и молодежную фракции. Кого-то из притомившихся и потекших, как свадебный торт, стариков увезли в город, видневшийся на горизонте в низких, желтых лучах вечернего солнца. Тут к Маринке с Димой лихо подкатила подружка – народ требует продолжения банкета, а вот с расходными материалами типа выпивки и закуски случилась неувязка. Они вот-вот кончатся.

– Да не может быть! – выпятила вспухшую от аспирантских поцелуев нижнюю губу Маринка. – Через себя в кусты, что ль, кидают?

– А чё не может? – тоже вскинулась подруга. – На свежем воздухе – сама понимаешь, хорошо идет... Нарезочки бы, тортик... Да и пепси пару-тройку баллонов не мешало. А то начнут неразбавленно глушить – не оберешься драки разнимать. А? Слабо?

– Да нет, какое слабо, – махнула рукой Маринка. – Щас разберемся. Дим, пойдем!

Просить кого-то съездить за продуктами было бы неуместно, да и хороши все, как положено на свадьбе. Поэтому через минуту Маринка уже вела папину газельку к ближайшему супермаркету на окраине городка.

– Марин, а ты меня водить научишь? – спросил Дима застенчиво, глядя, как ловко Маринка крутит руль.

– Я тебя много чему научу, – ответила Маринка, лихо, с визгом, паркуясь у магазина. – Тележку возьми, котик.

День клонился к вечеру, покупателей, лениво бродивших между полок супермаркета, было много. Поэтому при появлении Маринки с белой розой в темных кудрях, в снежно-хрустящем кринолине, едва прошедшем через турникет, и Димки при серебристой, как жирный садковый карп, бабочке народ заметно оживился.

Маринка, мало обращая внимание на зрителей, быстро прогнала Диму по отделам, кидая в тележку упаковки со снедью, и подошла оплачивать.

– А вот это от меня, – умильно сказала кассирша, кладя в лоток полуторную плитку шоколада, – чтоб сладко жилось.

– Спасибо большое, – вежливо улыбнулась Маринка, многозначительно стукнув бумажником по ладони – мол, мы торопимся.

– Да кто ж такое молодым дарит! Удумала! – громыхнул вдруг на весь зал здоровенный дядька в мятом льняном костюме, наблюдая уже из оплаченной зоны этот эпизод. – Во, берите! Все! Я потом еще затарюсь!

Он толкнул в их сторону полную товара тележку, причем Дима заметил краем глаза, что там, кроме прочего, была пачка стирального порошка и упаковка памперсов для взрослых.

– Да, да! – вдруг понеслось по залу, и чуть ошарашенные молодожены увидели, что покупатели, уже расплатившиеся за товар, стали метать в дядькину тележку всякие разности. – Поздравим молодых!

– Да не надо, что вы! У нас все есть! – попробовал остановить товаропоток Дима, но Маринка, чуть приподняв подол кринолина, незаметно, но чувствительно пнула его в ногу.

– Ох, спасибо, спасибо большое, дяденьки, тетеньки! – потупив глазки шептала она, а тем временем кто-то услужливо подставил вторую тележку, и народ, войдя во вкус благотворительности, стал наполнять и ее.

– Так, что здесь происходит? – перекрыл людской гомон и шуршание упаковок явно начальственный голос.

Все вдруг разом замолкли и обернулись на хозяина голоса. Это был солидный человек в хорошем сером костюме и при беджике с логотипом магазина.

– Да вот, Николай Иванович, – чуть виновато ответила кассирша-зачинщица. – Молодых поздравляем... Вы не беспокойтесь – за все уложено.

– А я и не беспокоюсь, – ответил Николай Иванович, с прищуром оглядывая зал. – Молодых, говорите?

– Да, – будто устыдясь, ответила кассирша. – Навроде рекламной акции получилось...

– Ну, акция так акция... Это ваше? – спросил Николай Иванович у Маринки, которая, чуть закусив губу, наблюдала за происходящим – отберут, не отберут?

– Наше. Гости все конкретно поели... Вот мы и приехали за добавкой. Да, Дим?

– Ну да, – ответил Дима, явно не сообразив, зачем нужно его мнение, если и так все понятно.

– Так это вам от нашего универсама! – провозгласил директор, вжикнул какой-то карточкой по щелке терминала и одним движением руки пропихнул Маринкино-Димины покупки в лоток. – Приходите к нам еще!

Наблюдавшие за сценой покупатели зааплодировали, кто-то присвистнул, а довольный начальник только что не раскланялся на все четыре стороны.

– Вы нас балуете, право, – улыбнулся Дима своей неподражаемой интеллигентной улыбкой.

– Да забирай, пока я не передумал! – подхихикивая, вальяжно провозгласил директор, и Маринка принялась спешно кидать снедь в тележку.

– А это мы с тобой удачно съездили, – как бы между прочим сказал Дима, когда они выруливали с парковки.

– А ты вообще удачно женился, котик, – назидательно и нежно произнесла Маринка, прибавляя газу.

Гулянье закончилось только тогда, когда тяжело упала за горизонт красная ягода перезрелого солнца, а комары, которых уже не отпугивал свербящий запах шашлыка, принялись, как за деликатес, за оставшихся на участке гостей. Это был сигнал к окончательному разъезду...

Так началась семейная жизнь Маринки и Димы. Свой медовый месяц они провели в дачном поселке, вполне довольные собой и жизнью. Но все кончается, и плохое, и хорошее. Кончилось лето, начался учебный год, и молодоженам пришлось вернуться – Димке к своей высокоученой диссертации по управлению международной финансовой системой, а Маринке – к изучению прорех в законодательстве для последующего их использования в своеобразных бухгалтерских интересах.

А в один прекрасный день кончились деньги, принесенные гостями в конвертах с розочками и васильками.

– Ага, – недовольно констатировала Маринка. – Не доработали эти физики.

– Не понял, любимая?

– Большой-огромный коллайдер в Швейцарии заработал, а черная дыра у нас в холодильнике образовалась.

– Так ничего, – пожал плечами Дима. – Мне стипендию скоро заплатят, за два месяца. Нормально будет.

– Твоей стипендии, котик, нам хватит только на бензин и Интернет.

– Я у мамы еще попрошу. Преподавателям с этого года прибавили.

– Ты изверг, – задумчиво констатировала Маринка. – А я и не знала!.. Нет, тут придется решать конкретно. Ладно, я что-нибудь придумаю.

Конечно, легче всего придумать было одно – попросить у папы. Но ведь сказала же Маринка, что обойдется без его денег. А не та она была особа, чтобы идти на попятный.

– Например, применим внутренний аутсорсинг.

– Это как? – снова поднял голову от ноутбука Дима.

– Ты занимайся, занимайся, я сама... как-нибудь.

Привычно отдунув прядь волос, упавшую на правый глаз, – а где ж шуршиков на хорошего стилиста взять? – Маринка отправилась в сараюшку, где еще оставались запасы с прошлого года – трехлитровые банки с огурцами и помидорами. Случилась даже баночка с похожими на маленькие летающие тарелки патиссонами, но это уж совсем экзотика.

– Смотри, что я нашла! – почти закричала Маринка, втаскивая на крытую веранду мешок из серой синтетической рогожки.

– Что, дорогая? – вежливо отозвался из комнаты, переоборудованной под кабинет, Дима.

– Да это же тот наш калым, что тогда в универсаме сняли!.. Ну, все, что кроме хавки!..

– А, да, – озарился улыбкой Дима, показываясь в дверях и расправляя уставшую спину. – Хорошие люди были, добросердечные. Приятно вспомнить.

– А как полезно-то, а?! А ну-ка, попринимай участие, муж!

Дима присел на корточки рядом с Маринкой, и они принялись вытаскивать из мешка напрочь позабытые подарки.

– Так, стиральный порошок... Класс! Покупать не надо – экономия! – комментировала Маринка. – Батарейки нам нужны?

– Ну, пригодятся, может. Когда-нибудь.

– Отложи... Давай так: в эту сторону – предметы первой необходимости, в эту – последней нужности. А то запутаемся.

– Как ты мудра, дорогая, – отозвался Дима, осторожно и чуть брезгливо роясь в куче. – А памперсы для взрослых – это в какую?

– Это в третью, котик. Это – неприкосновенный запас! Фонд будущих поколений!

– Хорошо, понял, – пробормотал Дима, вытряхивая на пол остатки подношений, среди которых обнаружилась небольшая электродрель с набором сверл, дешевый растворимый кофе, кукла в старинном одеянии и призывно-розовая женская бритва с комплектом лезвий.

Справедливости ради можно было отметить, что первая кучка оказалась самой скромной по размеру, а составляли ее почему-то больше предметы личной гигиены – наборы туалетного мыла, похожие на лежащих в ряд новорожденных поросят, и прочие шампуни, включая противоблошинный для кошек.

– Ну, проблем это наших кардинально не решит, – пробормотал Дима, вставая. – Но все-таки.

– Как сказать, как сказать, – отозвалась Маринка, что-то усиленно соображая. – Ты занимайся, а я сейчас...

Дима ушел к себе камлать перед ноутбуком и через несколько минут услышал, что Маринка отчалила со двора на скутере. Скоро она вернулась, вволакивая в гостиную пару раздутых пакетов.

– Маришенька, ты добыла еду? – озарился Дима радостной улыбкой.

– Да, – чуть раздраженно ответила Маринка. – Овощи на кухню отволоки, а?

– Да-да, дорогая, извини... Но как?

– Применила промоутиновый демпинг – загнала излишки тээнпе тете Даше в продуктовую палатку.

– Даже памперсы?!

– Даже, котик, даже! Зима близко, а их наши мужики как утеплители для обуви применяют. Взрослые, оказалось, еще лучше идут. А на полученные шуршики... вот. Плюс обмен по бартеру.

– Значит, голодная смерть на время откладывается? – радостно улыбнулся жене Дима.

– Ну да, типа того, – сказала Маринка и принялась готовить обед, еще раз с удовольствием подумав, что действительно вышла замуж по любви.

... Из подарков нереализованным оказался только кошачий дезинсектицидный шампунь. Такого дикого, городского разврата – мыть своих блохастиков спецсредством – здесь никто не понимал и не принимал.

А уж выговорить-то!..

* * *

– Зря говорят, что деньги зло, – выдала Маринка в одно прекрасное утро, тщательно обшарив свой и мужнин бумажники. – Зло так быстро не кончается.

Была суббота, занятия в вузе окончились рано, и у Димы с Маринкой было время обсудить свое ближайшее будущее. Платежных средств и продуктов, вырученных от Маринкиного экономического демарша, хватило на неделю с лишком хорошей жизни, и вот снова пришлось что-то придумывать. Надвигалась зима, надо было закупать мазут для отопления коттеджа.

– У отца попроси, – легко предложил Дима, после обеда полеживая на диване в гостиной. – Что, у него горюче-смазочных материалов нет? Он же в них просто купается!

– Да, солярки у него как грязи, – отозвалась из кухни Маринка, уже мывшая посуду. – Просто я не хочу. И Викухину рожицу при таком повороте событий как представляю... Нет!.. Или как крайний вариант. Интересно, сколько чего у нас там осталось сухим пайком?

– Тогда давай применим способ, известный в мировой экономической практике как феномен кота Матроскина.

– Это типа?... – отозвалась Маринка, энергично хлопавшая в кухоньке дверцами шкафов.

– Ну да, продадим что-то ненужное.

– У нас нет ненужного. А если и есть, то оно не нужно ни-ко-му. Нет, тут надо еще подумать.

– Тогда давай продадим мой черный костюм. Он все равно неформатный.

– Почему? – удивилась Маринка, возвращаясь в гостиную. – Хороший костюм, ручной сборки, бутиковый. Защищаться в нем будешь, на работу пойдешь устраиваться.

– В черном костюме такого не делают, – поучительно произнес Дима, садясь. – Это ставит соискателя на один уровень с боссами, с начальством, а они этого не любят. В таких ситуациях серый нужен... Мышкой такой в офис проскользнуть... Давай лучше твое подвенечное платье продадим, а? Чего ты молчишь?

Маринка стояла на порожке между кухней и гостиной, переводя взгляд со стены на стену, с пола на потолок, будто прикидывая, что из них лучше загнать тете Даше в ее пэбэюл.

– Нет, котик, ни костюм, ни платье мы как раз продавать-то и не будем, – задумчиво произнесла она. – Где они у нас, кстати?

... И у Маринки с Димой все получилось – все как в тот, первый раз!

Любит наш народ свадьбы, любит! Безумно, пламенно и страстно!

Донельзя приятно замужним бабам видеть, что еще одна шалава отгулялась-отпрыгалась и теперь будет пожизненно приставлена к плите и корыту. В первый раз надетые белые кружевные перчатки, вспорхнув единожды в ее жизни, коварно обернутся резиновыми кухонными, гнусно-розовыми или ядовито-оранжевыми. Кокетливый фартучек, впервые надетый на пред-

мет отмыwania квартиры после ухода гостей «второго дня», так и прирастет неотделимо к ее пузу до самой смерти засаленным бурым ошметком.

Злорадно смотрят мужики на еще одного бедолагу, что не уберется от происков девок-обольстительниц. Ага, еще один попался?! На что взяла на этот раз? На слова жаркие, обманные – мол, люблю! Не могу, только женись?! На посулы – «ты у меня первый будешь»? На обещания ее папочки отписать любимому зятю почти новую иномарку, да? Ха-ха! Ну жди, хлопец, жди!..

Вот потому-то и щедры были люди, и на этот раз одарившие «молодых» всякой ширпотребной всячиной. Злорадовались от души, что не они одни попались на вековой обман, в ловушку законного брака – такого, чтоб с ЗАГСом, фатой, шампанским и прочей дорогой и ненужной дребеденью.

– А как славно мы опять съездили, – удивлялся Дима, даже не переодевшись из бабочки, начавший разбирать добычу.

– Ну так... Как заказывали, – гнусаво, поскольку самостоятельно выбиралась из обширного кринолина, отозвалась Маринка. – Ты б мне помог размундриться, а? Молодожен хренов...

Вечером, угощаясь тем, что им накидали разомлевшие покупатели универсама, Дима с Маринкой все еще обсуждали дневное приключение.

– Хорово, вот нас ва проващица не узвава, – заметил Дима, ужевывая очередной бордовый овал сервелатика.

– Да узнала, почти, – слегка помрачнела Маринка. – Просто не просекла фишку. А сама так меня глазами и ела...

– Да? – удивился Дима. – А я и не заметил.

– Угу... Так что мы туда больше не суемся... Или не раньше чем через полгода.

– Кхе! – поперхнулся Дима. – А мы разве?... Как-то это...

– А у тебя есть альтернативный бизнес-проект, любимый? – улыбнулась Маринка, распределяя по-родственному остатки клоунски кучеряво-рыжего корейского салатика. – Поделишься с законной супругой?

– Нет... ну, – осекся Дима. – У меня же защита через пять месяцев. Мне некогда о чем-то еще думать. Прости.

Он действительно выглядел виноватым.

– Значит, в следующую субботу одеваемся, загружаемся и едем куда-нибудь, где еще не были.

– А не были мы еще во многих интересных местах! – почему-то очень обрадовался Дима.

– Да, надо бы маршрут подработать, на перспективу, – выпятила губу Маринка. – Пока погода хорошая, пошерстить... Ну, это мои проблемы. Я окрестности лучше тебя знаю. Покаталась в охотку!

– Да, дорогая! – все также сияя, согласился Дима. – Ты в этом куда более компетентна, нежели я... Но ты уверена, что это... э-э... законно?

– А что здесь незаконного? – пожала плечами Маринка. – Мы же никого не обманываем. Все на добровольно-давальческой основе. Мы пришли – они дали. Никто никого не заставлял.

– Но свадьба у нас уже когда была, – продолжал по-интеллигентски рекфсексировать Дима. – А тут мы снова...

– А у нас никто и не спрашивал: вы только что расписались или когда? – чуть озлилась Диминым рефлексиям Маринка. – Мое платье, мои перчатки – хочу – надену, хочу – в шкаф спрячу, хочу – огород в них полоть стану... А хочу – в магазин в них пойду. Чего тут распентюливаться?

– Да, да, любимая! – примирительно-ласково улыбнулся Дима. – Меня всегда поражало твое виртуозное владение формальной логикой. А вообще, тяжелая жизнь у этих миллионеров,

а? Сыр едят с плесенью, вино пьют старое... Мебель столетней давности везде... Машины без крыши... Да, любимая?

... И вообще брак – это вид относительно мирного сосуществования сторон, когда одна сторона всегда права, а другая – это муж.

Так и начал разворачиваться их необычный семейный бизнес. Маринка назвала его «Свадьба форевер». Нет, не надо думать, что они, забросив учебу, вдруг кинулись столбить продуктивную идею и зарегистрировать фирму с таким названием. Зачем же такие крайности? Да и напоминало это скорее несколько странное, но веселое хобби. Венчаются же люди в аква-лангах под водой или в затыжном прыжке с парашютами? Случалось, жених-стайер переносил подуставшую невесту-спринтершу на руках через финишную черту, а окрутили их там же, на трассе – чай, сорок два с гаком километра марафонских давали развернуться вволю... Бывало такое – газеты писали... Или колятся затеяники по миру, сочетаясь и сочетаясь браком по всем попавшимся по пути законам? Есть такое дело, как сказал бы Маринкин папа. А им с Димой заказано? Да и кто ж кому тут чего запрещал? Это они так развлекаются по молодости.

В грядущую субботу Маринка с Димой наметили себе крупную цель – большой универсам в полчаса езды от их поселка – ведь надо было думать и о том, чтобы не попасться ненароком на глаза родным и знакомым. Черт их не знает, куда кого понесет на выходные в поисках дешевки?

Было начало октября. Кленовые листья превратили мостовые в роскошные желто-бордовые турецкие ковры. Согласно вековому обычаю, в эти дни народ, осознав насущную объективную реальность июньско-июльских сеновально-пляжных беременностей, дружно попер регистрировать отношения.

– Грязюка, блин! – раздражалась Маринка, идя к машине с задранными до колен подолом спецовки. – Хочешь не хочешь, а через раз стирать! Еще в постирайку не влезет!..

Она, уладив пышноту кринолина под руль, вывела газельку со двора. Дима так и не выучился водить, да и не пускала его Маринка, даже для пробы. Муж на колесах – это не дело. Лучше она сама его лишней раз подвезет, а свободы передвижения не даст. Опять же воспоминания, что за дичь можно выдрющить в охотку на заднем сиденье тачки, были еще так свежи в девичьей памяти... А уж «газель» с ее обширными просторами!.. Нет, пусть уж лучше любимый супруг сидит рядом и что-то мямлит про макроэкономические факторы.

... Магазин был полон. Под высоким стеклянным потолком висело ровное жужжание голосов – прямо как в улье. Маринка с Димой уже примерно знали, что делать – сначала не спеша побродить по залу, прижимаясь друг к другу. Можно даже пару раз поцеловаться, якобы потеряв голову от любви и нетерпения. Пусть публика увидит, проникнется важностью и трогательностью момента... Можно было, перегородив проход в самом популярном отделе – винном, страстно вцепиться с друг друга взглядами... Точно уж какой-нибудь дядька, подмигивая новобрачным сальными глазами, опустит потом в тележку бутылочку хорошего винца... А там все и завертится!.. Лишь бы не совали им дурацких кукол-мишек в целлофане! Любят же выкладывать их тут и там, особенно у кассы – чтоб детки устраивали концерты матерям!.. А те бы и покупали, покупали – лишь бы заткнуть орущее чадо... И не набирать самим в пылу атаки дорогих товаров... Пусть публика платит им за неожиданно организованный и доставленный прямо под нос праздник! Ура, товарищи! Главное, чтобы нашелся кто-то, кто в охотку рявкнет «Горько молодым, ох как горько!» И прорвется тогда плотина истинно великорусской щедрости!

– Ой ну спасибо, спасибо вам! – слегка дрожа губами, говорила Маринка направо и налево, с трудом толкая перед собой тележку. – Ну, зачем это?... Ну правда... Спасибо, спасибо!

Дима пожал на прощание пару рук, одарил трясущуюся малиновым желе публику своей фирменной улыбкой, и они выкатили тележку к стоянке. Над ней многозначительно нависла сизая, как застарелый синяк, туча и уже начал накрапывать холодный дождь.

– Ну чё, может, проедемся еще куда? – лениво предложил Дима, умащиваясь на сиденье. – Раз уж забрались в такую даль...

– А сколько у нас оборотного капитала? – деловито осведомилась Маринка, заводя «газель».

– Сто сорок рублей, дорогая, – ответил Дима, заглянув в бумажник.

– И у меня стольник... Нормально. Надо только найти что-то сообразное...

Маринка неторопливо вела машину по главной улице города.

– Сообразное чему, любимая? – вежливо поддержал беседу Дима.

– Сообразно капиталу, – задумчиво пробормотала Маринка. – Во, кажется, то, что надо!

Она быстро свернула к двухэтажному магазину, вокруг которого, как цыплята вокруг наседки, паслись разномастные палатки.

– Я не понял тебя, Мариша, – решил все-таки уточнить Дима.

– Я заметила – чем больше сам накидаешь, тем больше сверху дадут... Бедным картье и шанель не дарят... Их дарят бо-га-тень-ким!

– А тогда зачем нам свои деньги?

– А вдруг никто не клюнет? Не отдавать же, что взяли! – фыркнула Маринка вдруг. – Я жуть как не люблю отдавать! Пошли! Мне холодно!

Магазинчик оказался социальным – много они там не взяли... Так, по мелочи. Снаружи, у выхода, Маринку чуть ли не за фату словила бабуля – красавица, яблочков возьми, а? Хорошие яблочки, сладкие... Коричные! Всего двадцать рублей...

Дима хотел было сказать, что им своих девать некуда – так оно и было, сколько назад в землю закопали, но Маринка вдруг подхватила пакетик с невзрачными, в глазках яблоками и, сунув бабуле две «оборотные» десятки, поспешила к машине.

– А ты добрая, Марин, – довольно, будто уличив супругу в маленьком, милом грешке, промурлыкал Дима.

– А чего мне злой быть? – вздернула Маринка точеный носик. – Я красивая. Я поэтому и тонировку в своей тачке не делала.

– Ты вообще самая лучшая, – вальяжно потянулся Дима. – Давай нах хауз, а? Я притомился как-то. Клики толпы, вспышки фотокамер... Тяжела и беспросветна жизнь звезды!.. И кушать уже как бы хочется.

... Самые дорогие бутылки они оставили себе – жалко было отдавать в палатку за полцены. Да и эти полцены деревенские выпивохи дать бы не смогли. Тетя Даша в воскресенье и в палатке своей не торговала – больно густо пер туда деревенский сушняк в долг просить! А потом исчезал – не отдавал...

Поздний обедушин у Димы с Маринкой получился недурен – своя картошечка с дареной красной рыбкой, упаковка непонятных, дошедших в дальней дороге экзотических фруктов, суховатый, видимо, несколько пожилой вафельный торт с красным вином... Нормально. Еще на пару дней продуктов хватит. А там откроется тетя-Дашина палатка и можно будет сбыть ей точилки для ножей, наборы разноцветных губок и покрыть дефицит наличных.

А пакетик с бабулиными «коричными, сладкими» так и стоял на кухонном окне, печально поглядывая наружу, где шлепались плашмя на холмы и перелески первые полуснежины-полукапли...

* * *

В конце октября пришлось сделать небольшой перерыв: Маринке надо было сдать кое-какие экзамены, а Диме – кандидатский минимум по английскому. Но это было даже полезно для дела – примелькаться в окрестных супермаркетах было им вовсе не с руки. Да и заначка денежная у них была неплохая.

– Ты совсем не навещаешь мать! – выговаривала Диме родительница, с неудовольствием отмечавшая, что сынок, женившись, не только не погиб интеллектуально, но и окреп физически.

– Мама, мы почти каждый день видимся здесь, на кафедре, – досадливо возражал Дима. – Ты в курсе всех моих новостей.

– Ах, да это же совсем не то! Ты не делишься со мной своими бедами, нуждами, тревогами...

– Мама, – тихо, чтобы не привлекать внимания сновавших вокруг студентов, сказал Дима, – у меня нет нужд и тревог. У нас с Маришей все очень хорошо... У нас столько общего!

Мама закатила бы истерику со слезами, прямо тут же, если б не звонок на вторую пару. Она ушла на лекцию, причитая себе под нос: «Ну что, ну что у нас может быть общего с этими людьми!»

А вот ноябрь оказался вовсе непродуктивным месяцем...

И вообще что это за типично русский феномен – НОЯБРЬ?! Если верить ученым-фенологам, в России шесть времен года. Вдобавок к четырем, общечеловеческим, есть еще два ежегодных смутных времени: предвесенье и предзимье.

Мартовское предвесенье с его авитаминозом, обострением суставных и психических заболеваний еще как-то, с таблетками, можно выдержать – все-таки прибавляется, как всквашенный свежими дрожжами, световой день; коты, встав друг перед другом тупым углом, истово тянут весеннюю песнь... Даже снегопад вызывает не раздражение, но злорадство – все равно стает к полудню. Но ноябрь как конкретное выражение предзимья! Почему апрель или июнь получается в России далеко не каждый год, а вот ноябрей в году иной раз насчитывается штуки три-четыре? Сыро, холодно и темно – голая земля не отражает света небес, напротив, впитывает его, не в силах уже впитывать влагу.

– Ой, ну как не проснись – на дворе ноябрь! – дребезжала Маринка, выбираясь из-под одеяла и трусцой перебегая через гостиную в кухню – включить отопление погромче и поставить чайник. – Темень жуткая – как у негра в заднице...

– Ничего, дорогая, – утешил ее Дима, появляясь в кухне. – Скоро снежок выпадет, посветлеет.

В душе он догадывался, что неприязнь к ноябрю с его скользятиной у Маринки из ее боевого, байкерского прошлого – окончание сезона! – но молчал. В самом деле, ничего хорошего в этом времени нет... Год скукожился, как недоеденная и забытая в хлебнице краюшка, и легче раскрошить ее птицам, нежели оживлять на паровой бане. Все ждали первого снега и открытия елочных базаров. А также...

– Платье новое купить надо, – вдруг сказала Маринка, грея руки о кружку с кофе.

– Какое платье? – удивился Дима, видевший жену только в джинсах разной степени потертости.

– На выезд по лавкам – какое! – буркнула так еще и не проснувшаяся Маринка. – Надоело это в машину запихивать. Да и холодное оно, жесткое, царапается и сиськи мерзнут. Надо что-то поскромнее, закрытое.

– Как скажешь, дорогая, – заметил Дима. – Ты будешь бесподобна в любом.

– Заодно меня и не узнают – ну, там, где мы уже чесали.

Платье они действительно купили – секонд-хендовое, но приличное, из плотного кремового гипюра, под горло и с длинными рукавами. Продавщица попробовала заикнуться, что оно для невесты постарше, но Маринка только зыркнула на нее глазами, велела завернуть покупку и вытащила Димку из магазина. Дома Маринка, потихоньку чертыхаясь, кое-как укоротила платье на ладонь, чтобы не мешало жать на педали в машине.

Знали бы они, чем обернется им эта покупка на виду у всего их маленького города, были бы, ей-богу, осторожнее...

Декабрь принес в природу некое пусть моральное, но облегчение – световой день, сократившись до минимума, будто крученая пружина, готовился распрямиться, ударить по календарю и двинуть его в сторону новых, благих времен.

По магазинам, как легкое в горшке, понапучились елочные базары. С одной стороны, это было хорошо для Маринкино-Диминого бизнеса, с другой – не очень. В целом народ дарил щедро – сказывались покупательский раж и вековая непривычка россиян копить и экономить. Но дарили-то больше колючие веночки с колокольчиками и шампанское. Хорошего, пригодного для питания, сбыта и быта товара было не так много, как хотелось.

– Ну что ж, – вздохнул Дима, определяя в уголок за диваном еще пару бутылок игристого, – тетя Даша возьмет с удовольствием.

Там, гусиной длинношеей стайкой, уже толпилась изрядная коллекция бутылок. Вид у них был взволнованно-ожидательный – как перед вылетом стаи в теплые страны.

– Да я ей не отдам! – вдруг зло буркнула Маринка, недовольная результатом их очередной поездки. – По крайней мере пока.

– А как же? – удивился Дима. – Кушать же надо?

– Я к Новому году подгадаю. Шампусики тогда втрое дорожают, – так же сумрачно пробурчала Маринка. – Я их тетя Даше по номиналу сдам. Она еще наварит... На Новый год даже здешние синяки шампанское пьют.

Дима промолчал, соображая, что же ему дадут на завтрак в ближайшие дни. Но решение финансовой проблемы пришло как бы даже само.

– Мариш, – радостно сообщил Дима, когда Маринка уже к вечеру забирала его от главного корпуса института. – Я подработку нашел!

– Ну да? – недоверчиво спросила Маринка, вообще не слишком жаловавшая слово «работа» и все от него производные.

– Ага!.. Пару курсовых для «коммерсантов» сделать! По пятнадцать тысяч за каждую! Во!

«Коммерсантами» у них назывались состоятельные лоботрясы с платного, коммерческого отделения.

– Ага, – сказала Маринка, вырвав с кампуса. – А мне чего ж не сделал?

– А ты не просила, – расслабленно улыбнулся Дима. – Да ты же у меня сама умная.

– А если б попросила – сделал бы?

– Ну-у, – протянул загадочно Дима, чуть прикусив губу. – Мэйби, мэйби...

– А со скидкой?

– Не-а, – скрутил самодовольную мину Дима. – Никаких скидок. С чего бы это?

– А натурой? – продолжала допытываться Маринка, разохотясь.

– Нужна ты мне! – вдруг почти взвизгнул Дима. – У меня жена красавица! И вообще...

– Оп!.. – Маринка резко затормозила, и Дима разом заглох, что хотел сказать.

– Ты что, Мариш? Напугала...

– Да вот эта тачка, по-моему, за мной ездит всю неделю. Или у меня глюки с устатку?

Мимо них противоестественно медленно проехала невыразительного цвета машина, вроде пожилая иномарка. Кто сидел за рулем, в быстро густевших декабрьских сумерках было не разглядеть.

– Теперь, может, отвяжутся... Раз засекали их, – пробормотала Маринка, нажала на педаль, и они выехали с институтской территории.

– Кто-то из твоих прежних поклонников? – предположил Дима, скорей чтобы не молчать.

– Нет, вряд ли. Тем я всем строго наказала... Да и не ездят они на таких трупиках отстойных. Ладно, посмотрим. В крайнем случае папке нажалуюсь. Пусть номер по базе пробьют и все такое.

Но папке жаловаться не пришлось.

– Нет, но ведь надо такое удумать! – взрыкивала Маринка, мечась небольшой, но очень злой пантерой по гостинной коттеджа. – А еще интеллигентка!

– Мама не виновата, – твердил Дима, сидя на диванчике. – Она из добрых побуждений.

– Ага, развести нас! Это у образованных, приличных называется добрым! И ведь денег не жалко было – топтуна с машиной нанимать! Хвоста мне навешивать! Будто мне своих в технике мало!

– Я во всем разберусь, Мариш, – пытался успокоить благоверную Дима, справедливо полагая, что непосредственная разборка между свекровью и невесткой малыми жертвами не обойдется. – Как-нибудь. Все ведь выяснилось? А я потом...

– Нет! – рывкнула Маринка так, что отозвались мелодичным звоном плафоны на люстре. – Сейчас!

– А разве мы сегодня... не поедем? – с надеждой взглянул на нее Дима.

– Экономически не-цели-сообраз-но-о! – помахала Маринка пальцем у него перед носом. – Игрушек этих елочных нам до конца жизни не перебить! Поехали!

Маринка ждала в машине около часа – пока мама-профессорша, привычно выкручивая себе пальцы, сетовала на вопиющую людскую непорядочность.

... Нанятый ею частный детектив быстро скумекал, что за Маринкой ничего путного не нароешь, и неизвестно, захочет ли клиентка оплачивать сведения о праведном поведении объекта. Да и денегат дополнительных куда выгоднее было слупить не с маломощной вузовской преподавательницы, а с дочки состоятельного дядьки. Ну так и двинул частный детектив на два хода вперед, подождал Маринку у техникума и выложил ей то, что свекровушка желает уличить ее в измене, и, соответственно, предложил выкупить невинный материальчик, в одночасье ставший компроматом на самую заказчицу.

– Это была не Марина, мама, ты ошиблась, – уговаривал мать Дима. – Ты просто плохо ее знаешь.

Мама, по понятным причинам, бывшая завсегдатайшей секунд-хенда, уловила их, когда они подбирали Маринке новую спецовку. То ли по высокоученой близорукости, то ли из-за тактичного полумрака, обычно царящего в подобных заведениях, мама не узнала родного сына и назвала его «омерзительным, скользким типом».

– Все, все ложь вокруг! О времена, о нравы! – продолжала чуть тише бурлить мама.

– Мама, тебе не надо заниматься такими вещами, – уговаривал ее любящий сынок. – Это не твоя стезя. Слежки, погони!.. Жуть какая-то.

– Да, да!.. Конечно! Где мне сравняться с этими твоими новыми родственниками...

– Все! – Дима с несвойственной ему решимостью встал и пошел к двери. – Я думаю, ты все поняла.

– Я поняла, я давно все поняла! – неслось ему вслед тоскливым воем волчицы, у которой забрали единственного волчонка.

– Ничего, не страшно. Все обошлось, – легко сказал Дима, садясь рядом с Маринкой. – Поехали... Главное, с нашим бизнесом никак не связано. Просто мама засекла нас, когда мы то, другое, платье тебе выбирали.

– И чего? – выпятила Маринка нижнюю губу. – Чего удумала-то, кочерга старая?

– Марина, прошу тебя, – поморщился Дима. – Это же моя мама, и она не со зла...

– А по глупости, ну да! Преподак...

– Она же мне добра желает... Подумала, что ты меня бросить хочешь. Уже новое платье для другой свадьбы выбираешь.

– Уи-и, на барахолке! – фыркнула вовсе зашедшаяся Маринка. – Класс! Ништяк профессуре!

Разговор зашел в тупик и заглох там сам собой. Они дулись друг на друга пару дней, но наконец Дима принес супруге почти честно заработанные деньги, и в их коттеджик вернулся мир, относительный достаток и временное спокойствие.

Но не надо думать, граждане дорогие, что Маринка тут же, на месте, позабыла свой невольный прокол и по-божески простила свекровин демарш. Из деньжат, добытых Димой тяжким интеллектуальным трудом, Маринка, во-первых, купила пышный, цвета спелой пшеницы парик. Во-вторых, случайно наткнувшись на некое предложение в Интернете, она сделала обожаемой родственнице эксклюзивный подарок, от которого та не могла отказаться по той простой и тривиальной причине, что о нем просто не знала... До времени. Даже предположить не могла!

... Какие-то ушлые американцы обнаружили в дебрях Амазонки новый вид жаб. Так, ничего особенного жабенка, склизкая, ногастая, разве только попучеглазистее остальных, поскольку вела ночной образ жизни, поэтому и ускользала от внимания зоологов столько миллионов лет кряду. Юмористы-жабологи, видно, скуки ради выставили на е-бэйский сайт фотографию амфибии практически в полный рост и объявили аукцион на право дать ей название. Желающих увековечиться подобным образом не находилось уже несколько месяцев. Видимо, просечь выгоду от подобного испомещения денег у обитателей виртуального пространства просто не достало фантазии. Но так на то и разгневанная русская девчонка существует, чтобы потыкать весь остальной мир носом...

Право окрестить буренюкое, в подозрительных пупырышках, невзрачное создание стоило двести баксов. Маринка, собрав в кулачок свое скромное знание английского языка – не обращаться же было к Димке, а?! – предложила им на полсотни меньше и впечатала в трафаретик имечко любимой свекрови – благо у Димы фамилия была другая – как у исчезнувшего папы.

Американцы подумали пару дней и согласились. Жабенка стала зваться Ирина Попкова Амфибеа Амазоника. Клево, да? Ну согласитесь!

А не фига было ссориться с шоферской дочкой, профессорша!

В учебных и праздничных хлопотах пришли и прошли долгие, непутевые новогодние праздники. Маринка и Дима чаще бывали дома у ее родителей, нежели у себя, густо угощаясь тещиной стряпней. Но каникулы тоже закончились, и надо было возвращаться к учебному процессу, тем более что для обоих наших любимцев этот год был решающим: Дима должен был защищаться, а Маринка – получить наконец сто лет не нужный ей диплом экономиста-бухгалтера. Это с одной стороны. А с другой – денежки, подсунутые Маринкиной мамкой в качестве новогоднего подарка, тоже могли в одночасье закончиться. Ведь водится за ними такое подленькое поведение!

И в последнюю субботу января, когда очнувшееся солнце начало со все возрастающим интересом выглядывать из-за горизонта, Маринка с Димкой решили двинуть на заработки.

– Н-да, есть еще сила молодецкая! – вальяжно потянулся Дима, напяливая свой подвечный наряд с бабочкой. – Не утратил я куража, а, Мариш?

– Будем надеяться, – задумчиво протянула та, оглядывая любимого супруга. – А ты растолстел за праздники. Лапсердак вон морщит на пузе.

Дима ничего не ответил, даже не обиделся, и они, поеживаясь в промерзшей на крещенских морозцах машине, направились в городской универсам, где, кажется, не были месяца два.

– Думаешь, нас там не вспомнят?

– Нас там просто не узнают, – процедила Маринка. – Я теперь блондинка, и платье другое.

– А как же я? – удивился Дима, не привыкший идти за ничтожество.

– Молодоженов по невесте отличают, – неторопливо разъяснила Маринка. – Женихи все одинаковые.

– Ну да? – усомнился Дима.

– Угу. Пидзачки эти, бантики... Как стадо пингвинов в натуре, кря-кря, плюх-плюх...

– Ты мудра не по годам, любимая.

Магазин был пустынен, как античные развалины в промозглое туристское несезонье. Охранник на входе едва удостоил парочку взглядом осоловевших глаз, кассирша взглянула на них мельком – вроде ничего по карманам не рассовали, и ладно. Она быстро обсчитала скромненькую покупку и снова прилегла на клавиатуру.

– Так, облом, – констатировала Маринка, когда они осторожными перебежками по скользким наледям трусили к «газели».

– Да, чей-то население экономически мало активно.

– Упраздновались в отделку, раздолбаи хреновы, – прошипела Маринка, давя педаль, как зазевавшегося таракана.

– Не ругайся. Тебе не идет, – заметил Дима.

– Мне идет две штуки евро в месяц на хозяйство плюс штука на прикид.

– Ну, не здесь – так там... День только начался.

Но и в следующем магазине наших голубков встретило ледяное равнодушие персонала и сильно понизившееся покупательское шевеление. Их будто не видели в упор, даже в их явно нестандартном для магазина виде.

– Что творится с русскими людьми? – спросил Дима, на улыбающийся в пустое пространство так, что болело за ушами, уже по пути в следующий магазин.

– С людьми творится то, что все наелись, во-первых, и круто поистратились, во-вторых. И потом, все доедают то, что на праздники наготовили. Или на диету сели – после хавки-то через край. И вообще в мороз все неохотно из нор выползают.

– Ага... Совокупность неблагоприятных обстоятельств, тэ-е форс-мажор. Понятно... И что мы сейчас?

– Заедем в тот социальный, знаешь, все равно тебе носки нужны. Не получится – повернем оглобли. И будем думать.

– ... Какая прелестная пара! – услышали Маринка с Димой, когда они, чего-то там набрав, собирались расплачиваться. – Посмотрите только!.. Невеста красавица, а жених-то – просто...

Голос был явно старый, чуть дребезжавший, но пронзительный, и на него обернулись не только Маринка с Димкой, но и немногочисленные покупатели.

– Граждане, давайте поздравим молодых! Смотрите, какие они замечательные!.. Ну же, ну!

Это был старичок – ну да, явно старичок, – но не дряхлый, а какой-то упруго-моложавый, которого не портили даже глубокие морщины на смуглом худом лице. Одет он был в скромненькое, легкое пальтецо, не по сезону: видно, жил неподалеку – вот и не стал одеваться.

– Вот, это от меня, красавица!

Он, будто фокусник на арене, показал публике какую-то картонную коробочку и поставил ее на прилавок за кассиром – чтобы Маринка забрала по пути на выход.

– Ой, ну спасибо, – привычно потупилась та. – Мы же просто...

– А это от меня, – восстав от спячки, сказала кассирша и сыпанула им в корзинку пригоршню мелких, блестящих конфеток.

Тут зашевелились немногочисленные покупатели, а старичок что-то все выкрикивал, подпрыгивал на месте, размахивал руками...

– А ничего! – сказал Дима, на ходу заглядывая в пакет с добычей. – Все-таки... Накидали кой-чего. А колотун-то какой! Давай на базу, а?

Тут он налетел на Маринку, которая резко затормозила, не дойдя до машины. Дима недоуменно поглядел на жену, а та указала пальцем куда-то вперед.

У их газельки, зябко переминаясь с ноги на ногу, стоял тот самый старичок.

– И?... – спросила Маринка, сверля деда суровым взглядом черных глаз.

– Я думаю, молодые люди, я могу-таки рассчитывать на некий процент с дохода от акции?

– Ну-у, – задумчиво протянула Маринка, оценивающе глядя на деда.

– И не лучше ли, чем разговаривать здесь и междометиям, – взрезвился дедок, – поговорить в машине и предметно? У меня к вам есть конкретное деловое предложение.

... Нет, Димина первоначальная мысль, что они, кажется, вот-вот станут объектом интеллектуального рэкета, не нашла своего подтверждения.

– Ну, если дела так идут хиловато, то аниматор нам не помешает, – говорил Дима за ужином. – По крайней мере, пока... Пока народ на двадцать третье не пойдет затариваться. Хоть перекантуемся.

– Да, пусть лучше уж он с нами работает, чем сам какую-нибудь парочку заведет с собой и водит... Шоу двойников под боком иметь нам ну уж никак не в жилу.

– Да, уж точно... Может, завтра и попробуем? Я позвоню ему?

* * *

Назавтра они забрали Якова Ефимовича от его дома в городе, посадили в салон и по дороге стали обсуждать план пробного совместного набега.

– Вот, например, я захожу на площадку, ну, на место действия, оцениваю обстановку и сообщаю вам по рации, есть ли смысл выходить...

– Ой, дядя Яша, не надо в шпионов играть, а? – недовольно сморщившись, обернулась на него Маринка. – Еще записку с голубиной почтой пришлите!

– Да нет, тут есть смысл, – задумчиво сообщил Дима. – Не светиться лишний раз, если там коммерческое безмолвие. Хотя...

– Его задача и есть это безмолвие расшуровать хоть немного, – нравоучительно добавила Маринка.

– То есть в большинстве те, кто считает, что предварительного расследования не надо? – уточнил Яков Ефимович.

– Мы ж уже четыре месяца так ходим, – пожал плечами Дима. – До этого застоя все нормально было.

– Четыре? – поднял клочковатые седые брови Яков Ефимович. – Я думал, меньше.

Маринка с Димкой переглянулись, но помолчали.

– Значит, так, дядя Яков Ефимович, – сказала Маринка, припарковавшись. – Вы идете вперед, ведете себя нормально...

– Не вам, барышня, учить меня, как себя вести! Я потомственный русский интеллигент! – взвизгнул Яков Ефимович, но Маринка этот его визг проигнорировала:

– ... а потом подтягиваемся мы, ну и обычным порядком, там... гуляем. И если публика не проникается важностью момента, вы начинаете свою разводку. О'кей?

– Меня коробит ваша лексика, однако... Давайте так. Я пошел?

– Так давно уже, – сказал Дима, демонстративно поправив бабочку.

В торговом зале былолюдно. Маринка решила оживить операцию, стала переливчато смеяться, резвиться, попыталась устроить с Димкой игру в догонялки – словом, вовлечь публику в упоительную любовную чехарду. Действия были восприняты с минимальным интересом, поскольку народ был одет по погоде, плотно, и только неуклюже уворачивался от носившейся между стеллажами хохочущей Маринки. Дима, как мог, в силу своего темперамента, подыгрывал, но...

– Ай, красавица! Вот украду тебя, – вступил в игру дядя Яша. – Твоему жениху выкупать тебя придется! Выкуп, выкуп! А ну-ка, мужчина, подмогните мне! Давайте, давайте!..

Подчиняясь вековой традиции, народ мало-помалу включился в действие, и Маринку начали выкупать, подкидывая в умело подставленную Ефимычем тележку разные полезные предметы и продукты.

– Ну, граждане! – канючил Ефимыч, простирая к ставшей в кружок взопревшей публике костлявые руки. – Кто ж ее с таким приданым замуж возьмет?

– Да уж как вроде взяли, – усомнился чей-то басок.

– А-а, нет! – погрозил пальцем голосу Ефимыч. – До первой ночи...

– Яшка, блин, не зарывайся! – сквозь зубы процедила Маринка, скромненько стоявшая поодаль. – Урою, гад!

– Так что – больше никто ничего не хочет добавить? – деловито осведомился Ефимыч, презрительно оглядывая собравшихся.

По толпе прокатился гул, видимо подтверждавший предположение.

– Так я таки спрашиваю жениха: возьмете невесту с таким приданым?

– Да возьму, – пожал плечами Дима, правда не слишком уверенно. – Чего уж там.

– Ага... Ну тогда «горько» молодым! – выпалил наверняка Ефимыч и, пока собравшиеся, наконец разогревшись, скандировали «горько, горько!», ловко прокатил тележку мимо глупо улыбавшейся в пространство кассирши.

– ... Так! – громко провозгласил Дима, закрывая за собой двери коттеджа. – Я не понял – мы что, все это все... украли?

– Да ну что вы такое говорите, Дмитрий? – в очередной раз всплеснул руками Ефимыч. – Это закономерный результат нашей, выражаясь современным языком, разводки на бабки.

– Но ведь никто за это, – Дима с отвращением ткнул пальцем в фирменные пакеты, робко стоявшие посреди гостиной, – никто не платил! Мы же это без оплаты взяли... Стибрили, говоря по-простонародному! Или как? Конкретно и внаглую пронесли мимо кассы!

– Только не говорите мне, что вы раньше за это платили! – в ужасе схватился за голову старик.

– Мы не платили, конечно, – растерянно сказала Маринка. – Что за смысл тогда шататься? Нам все дарили... А вы что думали?

Ефимыч молчал, жевал белесыми губами, что-то усиленно соображая.

– Вы что, Яков Ефимыч, нас за... – Маринка шумно сглотнула, – за воришек, что ли, магазинных приняли?

– Акх, – тоже внезапно осип Ефимыч, – а разве нет? Я же вас не в первый раз наблюдал...

Думал – виртуозно, однако, детки тырят... На глазах... Шоплифтинг экстра-класса!

– Чего?! – в один голос громыхнули супруги.

– Шоп-лиф-тинг! – гордо задрал подбородок Ефимыч. – Термин такой, общепринятый в мировой практике. Кражи магазинные то есть. Не знали, молодые люди?

– Так, – решительно сказал Дима. – Быстро забирайте вашу долю... что там считаете нужным, и расстанемся! Но не друзьями!

Он помахал пальцем перед длинным носом подельника, отвернулся и встал, сложив руки на груди.

– Вот, вот! Слышали, что сказал мой муж?

– Погодите, погодите! – Ефимыч вытянул вперед руки, обороняясь от наступавшей на него, пятнисто-багровой с лица Маринки. – Если не так, как тогда? Что это у вас за... схема?

– Мы просто приходим, веселимся и упорно ждем, когда нам люди что-то подарят! Сами купят и нам подарят! – рявкнула Маринка. – У нас все честно! Добровольно! Мы у простого народа не тырим!.. Что теперь этим тетками на кассах – из своего кармана за это платить? Нет, нет и еще раз нет! Мы – на-ар-мальные па-ца-ны-ы!

Дима вздрогнул и обернулся. Это последнее было, наверное, что-то из далекого Маринкиного байкерского детства. Романтика дорог и все такое.

– Нет, обождите! – все больше озадачивался Ефимыч. – А почему они это делают?

– Народ у нас добрый, вот почему! – притопнула ножкой Маринка. – Мы ему праздник устраиваем, а он нам как бы возмещает... За радость! А чтоб народ повеселее был, пошустрее, поскорее включался, мы вас и взяли... А вы что думали – зачем вы нам ваше?

– Ну, – Ефимыч картинно откинул к затылку седые нечесанные волосы, – чтобы отвлечь внимание охраны и вообще... Да и зачем вы в эти хламиды рядитесь, я так и не понял?

– Так чтоб нам как на хозяйство молодоженам дарили – чего тут не понятно! Фишка-то вся в этом!

Маринка ушла в кладовочку, где хранились их Димой «выездные» костюмы, и отвечала оттуда натужным голосом – переодевалась.

– Ге-ни-аль-но!!! – вдруг воскликнул Ефимыч так, что Маринка, вернувшаяся в гостиную в джинсах и свитере, недовольно поморщилась. – Это ж надо такое придумать!

– Хорош орать, дед, а?... Что теперь с этим делать? – Маринка легонько пнула в пакет с добычей.

– Назад сдать? – нерешительно сказал Дима, оборачиваясь.

– Повяжут, – развел руками Ефимыч. – Это плохая идея, Дмитрий.

– Да, и денег за это как-то незаметно не вернешь, даже если себе в убыток... И все вы, Яков Ефимыч! Стыдно-с!

Дима еще раз укоризненно вздохнул и тоже пошел переодеваться.

– М-да, несколько неприятно вышло, – сделал Ефимыч постную физиономию. – С другой стороны, общеизвестно, что примерная стоимость потенциально похищаемого шоплифтерами вбивается в окончательную цену... Так что... С экономической точки зрения...

– Ага, еще один экономист нашелся, – едко заметила с кухни Маринка, демонстративно гремевшая там посудой. – Набирается народ на групповушку! Улет...

Дима у себя в подсобке передернул плечами, но протестовать не стал. В доме вдруг воцарилось неловкое молчание. Раж на немедленное изгнание Ефимыча, как опоганившего чистую и возвышенную идею нескончаемой свадьбы, вроде бы прошел. Но надо же было как-то логически завершить эпизод.

– Ладно, – сказал Дима, вернувшись в гостиную в тренировочном костюме. – Заберите вашу, так сказать, долю, Яков Ефимыч, и давайте прощаться. Стемнеет скоро. Остановка автотранспорта в трех минутах...

– Нет, – задумчиво глядя на пакеты, произнес Ефимыч, – давайте попробуем взглянуть на случившееся с иного угла зрения.

– Никаких углов! – рыкнула Маринка с кухни. – Димочка, иди кушать, солнышко мое! А вы, дедуля, свободны!

– Нет, нет! Позвольте объясниться...

– Ну? – Маринка вышла к ним с кухонным половником, которым она поигрывала, словно бейсбольной битой.

– Поймите, молодые люди, меня всегда угнетала необходимость поддерживать свой жизненный уровень подобным способом, – заканючил Ефимыч. – Но наша пенсионная система не дает человеку возможности...

– Ша! – цыкнула Маринка. – Проехали! Конкретнее!

– Ладно, ладно! Меня восхитила сама ваша схема! Какая тонкая игра на человеческих страстях... Какой изящный ход, интеллектуальный изыск! Старость берет измором, а молодые – напором! Как это верно!

Маринка заметила, что Дима набирает в грудь воздуху, зыркнула в его сторону, и тот шумно выдохнул ненужный пневматический ресурс.

– Значит, так, – сказала Маринка, постукивая половником о ладонь. – Супчику я вам на дорожку, так и быть, накапаю... Но потом – все! Забираете свою долю и!..

Но стоит ли вам рассказывать – за ужином они все-таки помирились. Маринка, она ж не злая, а уж Дима-то и подавно. Так уж получилось... Не нарочно вышло.

Они просидели втроем до глубоких сумерек и договорились, что Яков Ефимыч продолжит работать у них на разогреве. Станет организовывать и направлять безудержное ликование народных масс. Но при этом не тырить! Ничего! Никогда! Строго!.. Ефимыч решительно отмахивался от Маринкиных предположений тощими руками в коричневых пятнах и неустанно бормотал: «Боже упаси! Боже упаси, Мариночка! Я обожаю вас, как дочку!»

Так и пошло. И то ли влиял световой день, разбухавший на глазах, как беременная кошка, то ли глуповато-суматошные выкрики Ефимыча приносили приятное возбуждение в занудную атмосферу местных торговых предприятий, но их странноватый бизнес приносил небольшой, но стабильный доход.

... А ведь тогда Дима чуть не проболтался деду, что никакой это не был умственный изыск, а тоже натурально подарок судьбы.

– Моральный капитал, вложенный в перевоспитание этого универсамского воришки, дает дивиденды, – заключил как-то Дима, сортируя добычу на «для себя» и для «тети Даши». – Ты приняла единственно верное решение, дорогая.

– М-да, – заметила Маринка, проходя мимо стоявшего в позе огородника Димки, – а почему мы только по магазином вообще-то ездим? На них что – свет клином сошелся?

– А почему ты задалась этим вопросом, любимая? – распрямился Дима.

– Мне скучно, – сделала Маринка противную гримасу. – Учеба эта, поездки... Тут бабка в последний раз на меня зверем смотрела... Я путешествовать хочу. Байкеры сейчас как раз колеса мыть начинают...

Маринка задумалась на секунду и решительно сказала:

– На следующий заезд Ефимыча не вызывай.

Дима сделал русые брови домиком, но Маринка не сочла необходимым отвечать на немой вопрос супруга и повелителя.

– ... А куда мы сейчас конкретно едем, Мариш? – осторожно осведомился Дима, когда они на следующий день, привычно переодевшись, двинули напрямик в город – то, от чего они всегда старались воздерживаться.

– Увидишь, – загадочно произнесла Маринка, сосредоточенно глядя на дорогу.

Через десять минут они припарковались у офиса туристической фирмы. Называлась она задиристо «ШтукаТур». То есть тур за «штуку»...

– Тут реально лохотрон, – прикусив губку, прошептала Маринка. – Даже не стесняются... Ну я не я буду!.. Димон, ты только улыбайся поактивнее, ладно?

– Да я всегда... как будто. Я стараюсь!

– Во, – удовлетворенно произнесла Маринка, когда они через час стояли на светофоре. – Разве б они нам такую скидку дали, если б мы так просто явились, без прикида? Хорошо мы их огорошили, а? Так прямо и забегали! Туда-сюда, туда-сюда! Тур-тур, тур-тур! И-эх!

– Дорогая, я преклоняюсь перед твоей фантазией и предпринимательским гением... Но куда мы едем сейчас? – поинтересовался чуть ошалевший от событий в турбюро Дима.

– Как куда? – глянула Маринка на него искоса. – Раз выехали, то надо хоть заработать. Еще одну контору окучим.

– А я, – потянулся он, – без Ефимыча как-то отвык... Не соберусь... Может, домой?

– А на какие шиши мы по заграницам гулять будем, а?! На карманные расходы кэш надо?! – озлясь на бестолковость мужа, рывкнула Маринка. – Надо!.. Всем сбор! Выходим!

Это было еще одно туристическое учреждение, помельче предыдущего.

– Значит, вы только что решили поехать в свадебное путешествие! – с явным удовольствием оглядывая клиентов, сказала тетенька в тесном черном костюмчике.

– Да, – так же нежно ответила ей Маринка, осторожно, будто птичка на тонкую ветку, присаживаясь напротив. – Вдруг пришло запоздалое прозрение... Но мы студенты, нам бы что-нибудь... ну, там... горящее. И подешевле. Мы сразу соберемся и... фррь!

Маринка сделала жест ручками в белых перчатках и стала похожей на Одетту из «Лебединого озера».

– Да, нам что-нибудь поскромнее, – решил вдруг вставить словечко Дима. – Не в смысле впечатлений, но в смысле... э-э... излишних удобств. Мы же не собираемся сидеть в номере.

Маринка легонько наступила ему на ногу, и он, вовремя смущенно улыбнувшись, замолк. Получилось вполне естественно и, главное, очень обаятельно.

– Тогда я знаю, что вам нужно! – сказала турагентка и куда-то убежала, цокая каблуками.

– А... разве тетя Даша возьмет у нас... это? – тихо спросил Дима у Маринки, которая сидела на краешке стула и, как всегда, изображала из себя провинциальную невинность.

Маринка только подняла глаза и приоткрыла ротик в вишневой помаде, как на место вернулась агентша, трясая какими-то цветными бумажками.

– Во-о-от! Это то, что нужно молодоженам! Чуть залежалось, да... Но наверное, вас ждало! Край света – и вы одни! Спецпредложение! За двадцать пять процентов от первоначальной стоимости!.. И паспорта мы вам оформим срочно и с очень-очень приличной скидкой!

– ... Так, теперь надо решить, что мы берем себе, а что загоним, – сказала Маринка, когда они уже к вечеру улеглись на тахту и стали предметно изучать цветные проспектики, зажуленные у наивных туроператоров.

– Меня лично устраивает любой вариант, – промурлыкал Дима, ущипнув Маринку за бочок.

– Ай, перестань, я ж щекотки боюсь... Меня вот не все устраивает. В Болгарию в апреле я не поеду даже с большой доплатой. Море холодное, рыбы в нем злые, оголодавшие... За ноги купальщиков цапают.

– Ну-у... Я предложу у нас кому-нибудь.

– А давай маме твоей предложим? Каникулы же... А? Пусть съездит, развеется.

– Маме за деньги предлагать не хочется, – вздохнул Дима, не уловивший по доброте душевной скрытого людоедского подтекста.

– Да, правда, нам ведь наличные нужны. Ладно, развесим бумажки на коммерческом отделении. Там народ денежный, клюнет. Так, теперь сладкие муки выбора – в Испанию на корриду или в Африку на сафари? Ты как в смысле поохотиться на жирных ноусэров?

– Ноу, мэм! Я вообще против любого кровопролития.

– Но надо же решать, Димон... Через неделю ехать.

Маринка перевернулась на спину и стала разглядывать бумажки на просвет – будто там можно было прочесть что-то путное, написанное водяными знаками.

– Я рассуждаю так, – начала она, помахивая в воздухе ножкой. – Пока мы с тобой молодые...

– Мы еще долго молодые будем.

– Не перебивай. Пока мы молодые, можно и подальше заехать. Испания – это типа недалеко, это успеется. Туда и на пенсии съездить нехило будет.

– Отлично! На сафари можно и не ходить, а быков несчастных испанцы, гады, так и так позакальвают, будем мы там или нет. Пусть неделя – зато в Африке!

– Ну вот видишь, как хорошо, – сказала Маринка, откладывая Испанию. – Так, надо теперь эти загнать. Налетай, подешевело! Тореадоры, фламенко...

* * *

Наварилось на откровенно занимавшихся синим пламенем путевках немного, но свое они вернули и заработали на карманные расходы – тут Маринкин гений не подвел. И в аккурат первого апреля они сидели в самолете, который, хорохорясь, тяжело разбежался по ухабам Шереметьева.

– Хорошая дата для вылета, да? – заметил их сосед, тоже молодой. – Высадят на Южном полюсе – сюр-пра-а-айз!

– Горючего не хватит, – отозвалась его спутница. – А вы тоже в свадебное путешествие летите, да?

Они познакомились. Илона и Витя были из Москвы, и тур им подарили родственники – в складчину, причем за полную стоимость. Дима и Маринка обменялись понимающими взорами – да, крупно не свезло ребятам. Но они постарше, работающие... Оказалось еще, что почти половина пассажиров их салона едет в свадебное путешествие.

– Во, – игриво шепнул Дима Маринке на ушко, – а это, оказывается, выездной семинар по обмену опытом. Ушки топориком держи, Мариш, а?

Маринка только поморщилась и стала смотреть в иллюминатор. Потом им предлагали примерить спасательные жилеты и кормили из пластмассовых лоточков – все как в приличном международном перелете. Их соседи спали друг у друга на плече, задремали и Маринка с Димкой. А там и самолет, облегченно вздыхая, выпал большой серебристой градиной из мутной пелены облаков прямо над посадочной полосой посреди желтой равнины. Он проскакал по дорожке и затормозил перед одноэтажным аэровокзалом времен обретения независимости от белых колонизаторов. Небо, недавно светившееся призрачной, стратосферной синевой, тут было линияло-голубым.

Голос в динамике поблагодарил за терпение и не без тщательно скрываемого ехидства сообщил, что за бортом сорок пять градусов по Цельсию, а уж по Фаренгейту и того больше. И все это, заметьте, дамы и господа, в тени баобаба!

– Так, сейчас, сдается мне, начнется приступ массового стриптиза, – довольно сказал Витек, расправляя затекшие за десятичасовое путешествие ноги.

– Размечтался, извращенец, – пробурчала Илона.

– Мечтать не вредно, – благодушно отозвался тот, и все двинулись на выход.

Их поместили в двухэтажной гостинице, под крышей из пальмовых листьев, подпертой деревянными столбиками в виде антропоморфных существ с губошлепыми лицами и откровенно преувеличенными вторичными половыми признаками. Называлось строение «Мечта Ниготубба-Туфо». Во дворе, который не мешало бы побрызгать водой или, на худой конец, заасфальтировать, гуляли голоногие рыжие курочки, а в тени дерева с мелкими листьями сидела обезьяна с седой всклокоченной гривой и лениво почесывала бока.

– Странноватый это был тип Ниготубба-Туфо, – заметил кто-то из группы, – что такую мечту возвел.

– Проживи всю жизнь в одной хижине с тещей и родичами – и такое за таунхаус сойдет, – отозвался еще один турист.

– Ниготубба-Туфо – это местное оргиастическое божество, отвечающее за плодovitость людей и животных, – пояснила дама средних лет, в мятых брюках капри и широкополой шляпе. – А я ваш экскурсовод. Позвольте?

Она прошла небольшую группку насквозь, поднялась на пару ступенек деревянного крыльца, ведшего сразу на второй этаж, и повернулась к ним лицом:

– Принимая во внимание то, что это, как я понимаю, ваше первое путешествие в Африку, я для вас здесь – первая после бога.

– Какого? – расплылся в блудливой улыбке Витек. – Этого, что ли, с большими причинами?

– И его тоже, – привычно отмахнулась экскурсоводша. – А зовут меня... Изыди, Кыша, нет у меня ничего сейчас... Зовут меня Галина Пална.

Обезьяна, исподволь подобравшаяся к экскурсоводше, разочарованно поплелась назад в тень.

– Сейчас разбегаемся по номерам, через час ужин, инструктаж и вечер знакомства в одном флаконе.

– А форма одежды какая? – спросила Маринка, которой стало скучно.

– Предельно вольная, – обольстительно улыбнулась Галина Пална, но почему-то Димке. – Но с учетом mosкитов и мухи цеце.

– Здесь и это есть?! – выдохнул кто-то.

– Давно не встречалась, – откровенно взгрустнула Галина Пална. – Но как знать, как знать... Может, вам повезет... Ну что, пошли?

Вероятно, из-за внесезонья гостиничка была практически пуста. Гости, гомоня и громко топая, сами разобрали номера. Маринка с Димкой поселились в самом конце коридора, в торцевом номере. Обставлен он был простенькой мебелишкой. На оцинкованной, как из операционной, тумбе стоял телевизор «Рубин» советского производства.

– А не верится, что в Африке! – радостно сообщил Дима, разводя руками. – А, Мариш?

– Мне – верится, – сказала Маринка сквозь зубы, указывая на одну из двух коек, застеленных ткаными пестрыми покрывалами.

На койке сидел большущий черный, блестящий, как лакированный, скорпион и недвусмысленно помахивал членистым хвостом, уть-уть, туда-сюда. А ну, поди сядь на меня... И не встанешь больше. Слабо?

– Щас я его, – хищно зарычала Маринка, скovyривая с ноги кроссовку.

– Мариш, не надо! – запротестовал Дима. – Зачем начинать наше путешествие в Африку с убийства невинного животного! Сейчас я включу кондишн, и все местные насекомые разбегутся сами! А этого...

Дима сгреб покрывало, отнес его, открыв дверь попой, на веранду, окружавшую весь этаж, где и вытряс нечестивца наружу. Через пару секунд, как хлопок от самолета, преодолевшего звуковой барьер, снизу взвился дикий женский визг и затем отчаянный русский мат мужским голосом. Маринка с Димкой испуганно переглянулись.

Путешествие в Африку действительно началось!

– Запомните, пожалуйста, главный принцип в отношении местного колорита, – говорила Галина Пална, – чем страшнее существо выглядит, тем оно менее опасно! Это закон природы!

– Ну да! Я чуть не умерла, когда на меня эта тварь прыгнула! – возразила одна из путешественниц запальчиво.

– Неправда. Скорпионы прыгать не умеют, – нравоучительно сказала Галина Пална. – Они ползучие.

– Да, вы, женщина, скажете тоже, – возмутился муж пострадавшей. – Еще как умеют! Я лично видел.

– Кроме того, скорпионы этого вида неядовиты, – спесиво добавила Галина Пална. – Далее... Не надо кормить животных, которые крутятся вокруг туристических объектов, особенно Кышу – вы ее видели. Если сделаете это хотя бы однажды, она будет приставать к вам все то время, что вы здесь находитесь. И приведет других – у них тут круговая порука. То же относится к аборигенам. Ни в коем случае ничего никому не давайте – тут же набегут другие и разденут вас до-го-ла! Говорить это, правда, бесполезно, но сказать это я вам должна.

– Мы ведь правда ничего никому давать не будем, да, Марин? – Дима заглянул в лицо Маринке, которая напряженно, не мигая, слушала экскурсоводшу.

– Ничего, – не слишком уверенно пробормотала Маринка. – Утрется...

– А то съедят, – продолжал увещевать жену Дима, не совсем уверенный в ее искренности.

– Ага, и отравятся... Ничего и никому!

– Какие вопросы по инструктажу? – окинула взглядом помещение ресторана Галина Пална.

– Хавка когда будет? – спросил кто-то.

– Хавка-то? – усмехнулась сталкерша ехидно.

– Во, щас конкретно выяснится, что хавку сначала надо выследить, убить и принести в гостиницу, – тихо проговорил Витек, подсевший с женой к Маринке с Димой. – Сафари, блин, в натуре!

– Ой, не пугай на ночь глядя! – пискнула Илона.

– Хавка, силь ву пле, медам, мсье! – махнула Галина Пална ручкой куда-то в глубь африканской ночи.

Оттуда послышались тамтамы, хотя и явно записанные цифровым способом, по залу резво забегали африканцы в белых шортах и с подносами в руках. С ними в залу влился запах жареного мяса и диковинных приправ.

– ... Интересно, а кого это мы сегодня съели? – не смог не испортить впечатление Витек, когда за полночь все они, чуть пошатываясь от обилия впечатлений, питья и еды, разбрелись по номерам.

– Не вана, – заплетающимся языком отозвался кто-то. – Главное, я заю, кто бует сседущим.

– ... А тут вроде ничего, – сказал Дима, заперев дверь, как инструктировала Галина Пална. – Еда нормальная, чисто... Народ ничего подобрался, заводной.

– Угу, – едва слышно отозвалась Маринка. – Ты койки тут отшмонай получше. А я пока...

Почему-то Дима даже не выговорил Маринке за несоответствующую их положению белых людей лексику. Кажется, он уже заснул.

Наутро их разбудил стук в дверь – Галина Пална зычно скликала всех на завтрак. Маринка-то проснулась сразу, ответила, что они сейчас спустятся, а Дима все спал, приоткрыв по-детски розовые пухлые губки.

– Вставай, гроза пустыни! – потрясла его за плечо Маринка. – Слонов кормить пора!

– Каких слонов, Мариш? – пробормотал Дима, не открывая глаз.

– Каких надо, серых, с хоботом... Я пока в душ, а ты тут подымайся.

Когда Маринка вернулась в комнату, истово вытирая полотенцем черные кудряшки, Дима сидел на своей постели и чуть ошалело оглядывался по сторонам.

– Ох, Маринк, если б не ты, не поверил, что мы действительно... тут.

– Мы действительно. Давай быстро, а то твой завтрак Кыше отдадут. У нас сегодня экскурсия в саванну.

– Угу, совместим ванну с саванной, – попытался скаламбурить Дима и поплелся мыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.